4. Nikitina N.A., Tuljakova N.A. Zhanr traveloga: kognitivnaja model' // Homo Loquens: aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki prepodavanija inostrannyh jazykov. SPb.: Asterion, 2013. Vyp. 5. S. 132–138.

5. Ternovaja L.O. Zhizn' glazami puteshestvennika // Gos. sluzhba. 2011. № 5. S. 95–98.

"The Land of the Blessed Virgin" by Somerset Maugham as a literary travelogue

The article explores the stylistic and genre features of "Land of the Blessed Virgin; Sketches and impressions in Andalusia", a work by W.S. Maugham. Based on the experience of research of domestic and foreign literary scholars, the authors define the genre of the work as "literary travelogue".

Key words: *Somerset Maugham, travelogue, literary genre, travel essay, genre heterogeneity.*

(Статья поступила в редакцию 05.09.2018)

О.В. ФЕДОСОВА
(Волгоград)

ОБРАЗ ДОН КИХОТА В ИСПАНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Образ Дон Кихота рассматривается как исходная точка в русле изысканий испанских философов относительно национальной испанской идентичности. Сервантесу удалось воплотить в Дон Кихоте фундаментальные черты испанского национального характера и ментальности, а также отразить дуализм испанского национального сознания, воплощенный в двуедином образе, объединяющем двух персонажей романа – Дон Кихота и Санчо Пансу.

Ключевые слова: *роман «Дон Кихот», творчество Сервантеса, испанская национальная картина мира, национальное испанское самосознание, национальная испанская ментальность.*

Краеугольным компонентом любой национальной картины мира являются базовые представления нации о собственной идентичности. Наличие данного компонента как раз и свидетельствует о сформированности национального самосознания, поскольку отражает результат коллективного осознания народом (группой народностей) себя как нации, отличной от других известных им народов или наций не только по признакам территориальности, языковой, религиозной и исторической общности, но также по целому ряду ментальных особенностей, в основе которых лежат базовые ценности, определяющие стереотипные реакции, поведение и отношение к миру.

Осмысление собственной идентичности, национального характера и ментальности – одно из важнейших направлений философской и литературно-художественной мысли. В Испании импульсом для развития этого направления стали окончание Реконкисты, колонизации земель Нового Света и стремительно последовавшая за ними деградация испанской империи. Именно этот исторический слом породил в Испании литературного гения, масштаб мысли которого перерос первоначальный замысел простой литературной пародии и поднялся до осмысления национальной испанской идентичности через постижение национальной ментальности и национального характера, заключающих в себе трагическую дуальность.

Творение Сервантеса, созданное на стыке XVI и XVII вв. (1-й том увидел свет в 1605 г., 2-й – в 1615 г.), где хронологически проходила граница окончания эпохи Возрождения, конечно, не было единственным на литературном небосклоне Испании того времени, где так или иначе затрагивались вопросы осмысления миссии испанской нации, ее идентичности и ментальности. Образ Испании, ее национальный дух и характер отражены в стихах и рукописях святой Тересы де Хесус, драмах Педро Кальдерона, поэзии Луиса де Гонгоры и Франсиско де Кеведо, комедиях Лопе де Веги и Тирсо де Молины и многих других литературных источниках, созданных в хронологически близкий Сервантесу период, вошедший в историю испанской литературы как ее Золотой век. Но только гению Сервантеса удалось так глубоко проникнуть в суть национального испанского характера и ментальности и раскрыть их столь всесторонне, что до сегодняшнего дня он остается отправной точкой для размышлений о судьбах испанской нации, о ее прошлом, будущем и настоящем. Дон Кихот и сегодня в современной испанской публи-

© Федосова О.В., 2018

цистике и философии выступает как основное мерило, главный способ познания себя, своей идентичности, своей национальной принадлежности, слабых мест и сильных сторон испанской нации. Только в XX в. к образу Дон Кихота в процессе осмысления национальной идентичности обращались С. Рамон-и-Кахаль, А. Бонилья-и-Сан-Мартин, Александр А. Паркер, А. Кастро, С. Де Мадариага, М. Менедес-и-Пелайо, писатели и поэты «поколения 98-го года» (Х. Ортега-и-Гассет, Р. де Маэсту, Х. Мартинес Руис (Асорин), М. де Унамуно, А. Мачадо), поэты «поколения 27-го года» (Р. Альберти, Ф. Гарсиа Лорка и др.), композиторы Мануэль де Фалья и Оскар Эспла. Из современных мыслителей нельзя не упомянуть Гильермо Диаса-Плаху [5], Амандо де Мигеля [6] и Марию Самбрано [8]. Этот далеко не полный перечень известных имен показывает, насколько значимы для понимания испанского национального характера произведение Мигеля де Сервантеса и созданные им образы.

Среди названных имен особое место принадлежит испанскому писателю и философу, идейному вдохновителю и вождю поколения, вошедшего в испанскую литературу как «поколение 98-го года» Мигелю де Унамуно. Попытки осмыслить национальную испанскую идентичность занимали центральное место в трудах этого выдающегося гражданина Испании, и образ Дон Кихота в этом смысле является для него краеугольным. Достаточно упомянуть такие книги, как «Жизнь Дон Кихота и Санчо» (*Vidade Don Quijote y Sancho,* 1905) и «О трагическом чувстве жизни у людей и народов» (*Del sentimiento trágico de la vida,* 1913), которые являются центральными для понимания того, что́ в концепции Мигеля де Унамуно означает «суть и сущность» испанского национального характера. По мнению писателя, эта суть была гениально почувствована и воплощена М. де Сервантесом: «И есть образ, образ трагикомический, образ, в коем явлен весь глубочайший трагизм человеческой комедии, образ Господа Нашего Дон Кихота, испанского Христа, который запечатлевает и хранит в себе бессмертную душу моего народа. Быть может страсти и смерть Рыцаря Печального Образа – это страсти и смерть испанского народа. Его смерть и его воскресение» [2, p. 273]. Собственные труды Мигеля де Унамуно как философа и испанца подтверждают прозрение Сервантеса, а также справедливость и точность его оценок и прозрений.

Центральным чувством в собственном мироощущении, проистекающим из общего для всех испанцев ощущения мира, М. де Унамуно называет «трагическое чувство жизни». Именно под таким общим названием выходит сборник его философских эссе (*Del sentimiento trágico de la vida,* 1913). «То, что я называю трагическим чувством жизни у людей и народов, – пишет Унамуно, – есть, по крайней мере, наше, испанское, трагическое чувство жизни, чувство испанцев и испанского народа, как оно отражается в моем сознании, которое является сознанием испанским, в Испании рожденным» [2, p. 272].

Это трагическое чувство жизни, которое присуще испанскому национальному сознанию, вытекает из страстного желания бессмертия или, иначе говоря, страха смерти, «голода по бессмертию», в результате чего вся жизнь переживается «как преодоление смерти». Надежду на обретение бессмертия испанцу дает католическая вера. Преодоление смерти достигается приближением к Богу. Именно поэтому вся жизнь становится «преодолением смерти», но она не теряет ощущения «трагического», превращаясь в трагическое преодоление смерти; жизнь ощущается как трагедия в осознании вечно недостижимого идеала бессмертия.

В основе трагического мирочувствия испанцев, как и вообще в основе их мировидения, лежит католицизм, получивший здесь особое, народное, осмысление. «Наше трагическое чувство жизни – это не что иное, как католическое чувство жизни, – пишет Унамуно, – ведь католицизм, и особенно народный католицизм – трагическая религия» [Ibid.]. Писатель отмечает, что испанский народный католицизм – совершенно особая система мировоззрения, которая не зависит от отношения человека к религии. Испанский католицизм – это уже больше, чем просто религия, это национальное мировоззрение. «Мы, испанцы, – осознанно или неосознанно, вольно или невольно – являемся католиками, даже если кто-то из нас мнит себя рационалистом или атеистом», – утверждает М. де Унамуно [Ibid.]. Для народного католицизма характерны особое, личностное, понимание образа Иисуса Христа как воплощения истинно испанского характера и обожествление личности в лице Девы Марии, стремление представлять фигуру Богоматери как Родину-Мать-Испанию. «Итак, на моей родине, в Испании, в моем испанском народе, народе агоническом и поле-

мическом, есть культ агонизирующего Христа; но есть также и культ Девы всех печалей, Девы скорбящей, сердце которой пронзают семь кинжалов. Это совсем не то же самое, что культ итальянской *Pieta*. Здесь поклоняются не столько Сыну, покоящемуся на коленях у Матери, сколько самой Деве Матери, которая в муках агонизирует вместе с Сыном, сжимая его в своих объятьях. Это культ агонии Матери Христа» [2, p. 311].

Католицизм лежит и в основе идеалистического восприятия жизни, свойственного испанцам. Испанцы – нация, которой чужд рационализм, в их ощущении мира на первом месте стоят чувства, интуиция, созерцательность, их мысли обращены в сторону идеального. «Чувствовать себя человеком – это нечто гораздо более очевидное, чем мыслить» [Ibid., p. 286], – считают испанцы. Безумство Дон Кихота – это в первую очередь протест против рационализма наступившего века (эпохи Нового Времени – эпохи господства *ratio*). Дон Кихот безумен с точки зрения человеческого разума (общеевропейского рационализма), но его безумие мнимое, это проявление высшей мудрости, и в этом его героизм. Безумие Дон Кихота сродни безумию блаженного, который сознательно надевает на себя эту личину, отдаваясь на поругание толпе ради приближения к Богу и обретения Небесного царства.

Трагизм испанской личности, воплощенной в Дон Кихоте, – это также трагизм разлада между реальным и идеальным миром, невозвратимо ушедшим в прошлое вместе со Средневековьем. «Философия, заключенная в душе моего народа, представляется мне выражением внутренней трагедии, аналогичной той, что происходит в душе Дон Кихота, выражением борьбы между миром, как он есть, как он представлен нам разумом науки, и миром, каким мы хотим, чтобы он был, миром, соответствующим тому, что говорит о нем наша вера, наша религия [Ibid., p. 293], – пишет Унамуно.

С трагическим ощущением жизни в испанском мировидении неразрывно связано смеховое начало. Трагедия порождает смех, и смех усиливает трагическое ощущение жизни. Источник этого смеха – ускользающий идеал бессмертия и вечный призрак смерти, маячащий в сознании и внушающий страх. «Но разве дело только в страхе? О, нет! – восклицает писатель. – Ведь есть и другая, еще более трагическая Инквизиция, та, которую современный культурный европейский человек, – каковым вольно или невольно являюсь я сам, – несет в своей душе. Это чудовищный смех, смех над самим собой, раздающийся у меня внутри. Это мой разум смеется над моею верой и презирает ее» [2, p. 278].

Но есть и другой смех – смех как добровольное самоосмеяние. Этот смех обладает очистительной силой. Его природа амбивалентна. Он принижает и возвышает одновременно. «Дон Кихот выставил себя на посмешище, но разве можно себе представить смех более трагический, чем смех рефлексивный, смех в собственных глазах? Превратите свою собственную душу в поле брани, на котором сражается Дон Кихот; начните в душе бороться за спасение Средневековья от Ренессанса, за то, чтобы не потерять этого сокровища нашего детства; сотворите своего внутреннего Дон Кихота – а также Санчо, тоже внутреннего и тоже по-своему героического, – вот тогда и говорите мне, что эта трагедия комическая» [Ibid., p. 295].

В испанском народном сознании смех понимается как высшая мудрость, как «преодоление смерти», т. е. как приближение к Богу. Именно поэтому Мигель де Унамуно сравнивает Дон Кихота с Христом: Дон Кихот добровольно обрекает себя на насмешки и осмеяние ради спасения души своего народа, как Христос принял поругание и распятие ради спасения душ человеческих. Именно поэтому Унамуно считает, что «величайший героизм как для индивида, так и для народа – это способность устоять перед насмешкой, вернее, способность выставить себя на посмешище и не дрогнуть» [Ibid., p. 288–289]. Именно поэтому спасение нации он видит в обращении к своим истокам, т. е. к своей «средневековой душе»: «Мы должны идти по стопам Дон Кихота, искать насмешку» [Ibid., p. 289].

Важнейшим качеством испанского менталитета Унамуно считает глубокий, укоренившийся в нем индивидуализм, имеющий своими корнями народное понимание католической веры. «Индивид – цель Вселенной, и мы, испанцы, чувствуем это очень глубоко», – пишет он [Ibid., p. 286]. В этом смысле индивидуалистом был и Дон Кихот. Свой индивидуализм подчеркивает и сам писатель Мигель де Унамуно, перефразируя известное изречение в духе истинно испанского индивидуализма: “Homo sum, ergo cogito: cogito ergo sum Michael de Unamuno”, – и заявляя, что «История, культурный процесс находит свое полное за-

вершение и свою действительность не в чем ином, как в индивиде; цель Истории Человечества – это мы, отдельные люди, каждый человек, каждый индивид» [2, p. 286].

Подобное понимание своей индивидуальности может принимать две не просто различные, но противоположные формы, обе из них свойственны испанской ментальности. В первом случае индивидуализм проявляется в концентрации исключительно на самом себе, своих желаниях, защите своего личного пространства, – такой индивидуализм, по мнению писателя, является разрушительной силой. Другая форма проявления индивидуализма в испанской ментальности – это персонализм. Испанский персонализм объединил в себе три ведущих свойства испанского психотипа: помимо индивидуализма, это склонность к мессианству и страсть, лежащая в основе всех действий испанца. М. де Унамуно так объясняет мотивы поведения подобного типа личности: «<…> так как индивид осознает себя в обществе, он осознает себя и в Боге, и инстинкт увековечения пробуждает в нем любовь к Богу и милосердие Господне, он стремится увековечить себя в других, увековечить дух свой, сделать его бессмертным, вытащить гвозди из тела распятого Бога, он хочет запечатлеть свой дух в душах других людей и в свою душу принять их образ» [Ibid.]. Именно такую миссию как истинный сын Испании возложил на себя Дон Кихот.

Есть еще одна черта испанской ментальности, воплощенная Сервантесом в Рыцаре Печального Образа, на которую обращает внимание Мигель де Унамуно, выделяя ее как свойство национального характера, национальной испанской идентичности, – это чувство внутреннего одиночества. «Дон Кихот, который был одинок, искал еще большего одиночества, искал уединения Бедной Стремнины, чтобы там, оставаясь наедине с собой, без свидетелей, отвести душу, предаваясь величайшим безумствам» [Ibid., p. 296]. «Дон-Кихот странствовал в одиночестве, один со своим Санчо, один со своим одиночеством», – отмечает писатель [Ibid., p. 297].

Унамуно не уделяет большого внимания образу спутника Дон Кихота – Санчо Пансы, с которым вдвоем (но при этом в одиночестве!) странствует Рыцарь Печального Образа. Не то чтобы верный оруженосец Дон Кихота случайно выпал из поля зрения писателя. Нет, Мигель де Унамуно намеренно игнорирует этот образ. Санчо Панса – это обратная, приземленная, ипостась испанской натуры, ее вторая сущность, не менее реальная и существенная, чем та, которую олицетворяет Дон Кихот. Об этой, не менее значимой стороне испанского национального характера, ментальности, немало рассуждений в испанской философии и литературе [5; 7; 10]. В романе Санчо, на первый взгляд, выступает полной антитезой Дон Кихоту: если высокая, нелепая, чрезмерно худая, почти бестелесная фигура Дон Кихота, водруженная на такого же высокого, худого и почти бестелесного коня, вся устремлена ввысь, к небесам, то коренастая, толстая, приземистая, по-пантагрюэлевски карнавальная фигура Санчо Пансы, усаженная на низенького осла, вся тяготеет к земле, к ее простым радостям, отсюда и прозвище Санчо: *Панса* ‘panza’ в переводе с испанского ‘брюхо; большой живот’. Потому-то Дон Кихот и странствует «в одиночестве, один со своим Санчо», им трудно понять друг друга, у них слишком разные ценности, разные устремления, разные взгляды на мир. Унамуно же посвящает свои очерки той стороне испанской натуры, которая ближе и понятнее ему самому.

Вторая сторона испанского характера, составляющая его вторую суть, – так называемый санчопансизм, – нашла свое осмысление в трудах выдающегося современника Мигеля де Унамуно Хосе Ортеги-и-Гассета. Проведя долгие годы в Германии и получив там образование, он смог взглянуть на Испанию отстраненным взглядом, оставаясь при этом любящим сыном своей родины. Не отрицая «кихотической» части души своих соотечественников [7], писатель все же считает, что в биноме «Дон Кихот – Санчо Панса», по крайней мере, на определенном историческом отрезке, господствует «санчопансизм» как воплощение ограниченной, мелкобуржуазной психологии: «В Испании бесповоротно восторжествовал вульгарнейший буржуазный идеал. И в высших, и в низших слоях царят откровенная пошлость и агрессивное мещанство. Ежеминутно, при всяком удобном случае масса затаптывает в грязь любой высокий душевный порыв» [1, p. 112]. Эта психология, по мнению Х. Ортеги-и-Гассета, по сути своей деревенская, именно та, что воплощена Сервантесом в образе Санчо Пансы: «Преодолев Пиренеи, путешественник моментально оказывается в стране землепашцев, – отмечает философ. – И облик земли, и жесты, и неизменный набор мыслей и ощущений, и все связанные с этим достоинства и недостатки жите-

лей – пронизаны сельским духом. <…> Истории известны народы, навеки застывшие на деревенской, или примитивной, стадии. А деревня – всегда деревня. И, прежде всего, по духу, складу жизни. Проходит за веком век – селянину нет до того дела. Да и зачем, спрашивается, ему участвовать в каких-то исторических пертурбациях? Подобный индивид – узник неизменного растительного цикла (от сева до урожая), пленник своего крестьянского идеала» [1, p. 105]. Психология Санчо Пансы – это не только отсутствие высоких душевных порывов и напряженной внутренней жизни, не только пассивность и отсутствие любознательности в отношении внешнего мира, но это также стремление получить все блага небес, что называется, не отрываясь от земли и не выходя из дому.

И все же, несмотря на видимые различия, верный спутник Дон Кихота отправился вслед за ним навстречу неизвестности и вполне вероятным опасностям, хотя и в надежде получить выгоду от его подвигов. М. де Унамуно считает, что в глубине души Санчо Пансы все-таки есть что-то от Дон Кихота – глубоко запрятанный «кихотизм», потому что в определенные моменты жизни именно эта, «кихотическая», сущность заставляет Санчо рисковать ради своего рыцаря, прикрывать его собой, попадать под влияние его идей и иллюзий. Именно кихотическая часть души Санчо Пансы привлекает внимание Мигеля де Унамуно, который допуская, что если даже Дон Кихот и умер в Испании, «как утверждают некоторые» (намек на Ортегу-и-Гассета), радуется, что он оставил после себя Санчо, потому что, если так, «то мы спасены, ибо теперь уже Санчо, раз его хозяин умер, станет странствующим рыцарем. Или, во всяком случае, он ждет какого-нибудь нового безумного рыцаря, чтобы вновь последовать за ним» [2, p. 296].

Таким образом, прозорливому гению Сервантеса, как никакому другому испанскому мыслителю, удалось проникнуть в самую суть национальной испанской ментальности, постичь ее двойственную сущность, трагизм разделенного сознания, основные черты которого суть: трагическое ощущение жизни и почти болезненная страсть самоосмеяния, идеализм и приземленность, индивидуализм и персонализм, чувство внутреннего одиночества и стремление к мессианству. Сервантесу удалось вскрыть то, что составило причину трагизма испанской нации, а именно трагическую раздвоенность национального испанского сознания, которая проявляется в двух разных типах восприятия мира, условно обозначенных нами в наших прежних работах как «барочность» и «карнавальность» [3].

Глубина и точность проникновения гения Сервантеса в самую сердцевину национального испанского характера, испанской национальной идентичности превратила его героев в главное мерило и инструмент исследования этой самой идентичности, а также самой испанской истории, ее вершин и трагедий. Цитаты из «Дон Кихота» превратились в афоризмы, пословицы и поговорки, которыми так любил сыпать оруженосец Рыцаря Печального Образа, вошли в золотой фонд испанского языка, издаются отдельными книгами и стали частью не только языковой культуры, но национального менталитета [8; 9]. На сегодняшний день возраст героев бессмертного творения Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» (*El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha*, 1605) перевалил за 400 лет, и можно с полной уверенностью утверждать, что в испанской национальной картине мире Дон Кихот как двуединый образ превратился в один из базовых концептов, воплощающих основные черты и принципы национального испанского сознания.

Список литературы

1. Ортега-и-Гассет Х. Бесхребетная Испания. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003.
2. Унамуно М де. О трагическом чувстве жизни у людей и народов. Агония христианства. Киев: Символ, 1996.
3. Федосова О.В. Карнавальность и барочность как базисная диада испанской ментальности // Лексико-прагматические особенности испанского национального дискурса: моногр. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2011. С. 157–164.
4. Cervantes Saavedra M. de. El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha. Madrid: Edición Alberto Blecua y Andrés Pozo, 2004.
5. Díaz-PlahaG. En torno a Cervantes. Pamplona: Eunsa,1977.
6. Miguel A. de. El espíritu de Sancho Panza (El carácter españolatravésde los refranes). Madrid: Espasa Calpe S.A., 2002.
7. Ortega-y-Gasset J. Meditaciones de Don Quijote. La Habana: Consejo Nacional de Cultura, 1964.
8. Peradejordi J. Los refranes esotéricos de Don Quijote. Barcelona: Ediciones Obelisco, 2005.

9. Refranes de Sancho Panza. Aventuras y desventuras, malicias y agudezas del escudero de don Quijote / Miguel de Cervantes Saavedra. Alicante: Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes; Madrid: Biblioteca Nacional, 2005 [Electronic resource]. URL: http://www.cervantesvirtual.com/nd/ark:/59851/bmc0g3h8 (дата обращения: 26.08.2018).

10. Zambrano M. España, sueño y verdad. Barcelona: Edhasa, 2002.

* * *

1. Ortega-i-Gasset H. Beshrebetnaja Ispanija. M.: OOO «Izdatel'stvo AST»: ZAO NPP «Ermak», 2003.

2. Unamuno M de. O tragicheskom chuvstve zhizni u ljudej i narodov. Agonija hristianstva. Kiev: Simvol, 1996.

3. Fedosova O.V. Karnaval'nost' i barochnost' kak bazisnaja diada ispanskoj mental'nosti // Leksiko-pragmaticheskie osobennosti ispanskogo nacional'nogo diskursa: monogr. Volgograd: Izd-vo VGSPU «Peremena», 2011. S. 157–164.

The image of Don Quixote in the Spanish national picture of the world

The article deals with the image of Don Quixote which is considered to be a starting point in research of Spanish philosophers regarding the national Spanish identity. The author shows that Miguel de Cervantes succeeded in embodying the fundamental features of the Spanish national character and mentality in Don Quixote, as well as in reflecting the dualism of the Spanish national consciousness, embodied in a twofold image which unites the two main characters of the novel, Don Quixote and Sancho Panza.

Key words: *the novel "Don Quixote", the works of Cervantes, the Spanish national picture of the world, the national Spanish self-consciousness, the national Spanish mentality.*

(Статья поступила в редакцию 06.09.2018)